

М.В. Крюков

РГГУ

**К вопросу о разночтениях в тексте
«Декларации Карахана» 1919 г.
(опыт текстологического анализа)**

Исследуя закономерности формирования исторического документа, археографы обращают внимание на ту его особенность, которую обычно называют вариационностью. Имеется в виду, что в процессе создания текста нередко появляются различающиеся между собой версии, или варианты. *Конечными разностями текста документа* называют те варианты, которые не меняют суть его концептуальной направленности, а *разрывными разностями* – существенно отличающиеся друг от друга версии, которые нередко могут резко противоречить друг другу. Специалисты подчёркивают, что при публикации документа как исторического источника важно предоставить в распоряжение исследователя все варианты обеих категорий [10, с. 382, 396].

К сожалению, предпринимавшиеся ранее публикации документов по истории советско-китайских отношений не отвечали этому требованию. И в «Документах внешней политики СССР» [5], и в «Советско-китайских отношениях» [6] ноты и меморандумы, вышедшие из недр Наркоминдела, представлены одним единственным вариантом, считающимся аутентичным. Однако известно, что многие из этих внешнеполитических актов действительно существовали тогда в нескольких различных редакциях.

В качестве примера можно сослаться на коммюнике по итогам переговоров, которые в январе 1923 г. А. Иоффе вёл в Шанхае с Сунь Ятсеном. Эту декларацию нередко называют точкой отсчёта в истории сотрудничества СССР и Гоминьдана. Но судить о том, какие конкретные договорённости были достигнуты тогда советским полпредом и лидером китайской революции, в действительности не так просто, как может показаться на первый взгляд. Декларация Сунь Ятсена – Иоффе публиковалась неоднократно, но тексты её, увидевшие свет в СССР и Китае, не вполне идентичны, так что реконструкция её подлинной версии требует специального исследования, до сих пор ещё в полном объеме не осуществлённого.

© Крюков М.В., 2010

Ещё сложнее дело обстоит с важнейшим документом, определявшим политику РСФСР по отношению к Китаю на раннем этапе взаимоотношений двух стран – «Обращением Совета Народных комиссаров к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая», более известным под названием «Первой Декларации Карахана» от 25 июля 1919 г.

Текст Декларации, полученный в своё время МИД Китайской Республики, существенно отличался от того, который увидел свет в газете «Известия». В первом случае в нём содержалось утверждение о том, что Советское правительство возвращает без всякого вознаграждения Восточно-Китайскую железную дорогу, тогда как в газетной публикации этот абзац о КВЖД отсутствовал.

Столь существенное расхождение стало предметом длительных дискуссий, в которых участвовали сначала дипломаты двух стран, а затем – историки.

О вариантах «Декларации», хранящихся в архиве НКВД

Начатое в 1922 г. в Пекине А. Иоффе предварительное обсуждение вопросов, связанных с двусторонними отношениями между РСФСР и Китаем, сразу же натолкнулось на серьёзные препятствия. Одним из них была проблема «Первой Декларации Карахана».

Иоффе настаивал на том, что этот важнейший документ продолжает оставаться в силе и позиция Советского правительства основывается на его положениях. Китайский МИД в меморандуме от 11 ноября 1922 г. напоминал, что в «Декларации» содержалось обещание безвозмездно возвратить КВЖД Китаю [2, 5-1-2144, л. 191].

В своём ответе, датированном 14 ноября, Иоффе писал:

«Во избежание недоразумений, Чрезвычайный Полномочный Представитель РСФСР должен отметить, что в декларациях 1919–1920 гг. нет цитируемых в меморандуме Министерства Иностранных Дел слов: “Рабоче-Крестьянское Правительство намерено все права и интересы, имеющие отношение к КВЖД, безоговорочно вернуть Китаю без всякого вознаграждения”...» [2, 5-1-2144, л. 198].

Тем не менее, 20 ноября советник полномочного представителя РСФСР в Китае Я. Давтян сделал специальный запрос в Наркоминдел. Он сообщал, что упоминавшийся в меморандуме МИД КР абзац о безвозмездном возвращении КВЖД есть и в тексте «Декларации», опубликованном местной газетой «Политик де Пекин», однако в тексте, имеющемся в распоряжении полпреда он отсутствует. «Срочно сообщите, – просил Давтян, – есть ли это место в подлиннике» [2, 5-1-2144, л. 191].

Однако ответа из Москвы не было, и 12 декабря Иоффе был вынужден вновь поднять этот вопрос в своей телеграмме на имя Карахана и Сталина.

«Давно запрашивали, – писал полпред, – имеется ли наша декларация с прямым заявлением о безвозмездной передаче Китаю КВЖД. Я в своё время ответил Китпра (китайскому правительству. – М.К.), что в декларациях 19–20 годов такого заявления нет. По этому поводу

империалистическая печать упрекала нас в перемене политики, цитировала фразу из нашей декларации, содержащей указанное заявление. На свой запрос из Москвы ответа не получил, здесь категорически опровергал существование такой декларации, которой в наших материалах, данных нам НКВД, действительно нет. Сегодня получен меморандум Китпра, где говорится, что генералу Чжан Сылиню в своё время в Москве была дана заверенная Караханом копия декларации, где такая фраза есть; такая же декларация за подписью Янсона имеется в Китпра. Получается недопустимое положение, когда НКВД сам не знает содержание своих деклараций [...]. Постараюсь как-нибудь выкрутиться с указанием, что ввиду моей постоянной работы на Западе, мне о существовании такой декларации не было известно, в моих материалах её нет, и я запрошу своё правительство по этому поводу» [3, 5-1-2144, л. 207].

Через некоторое время в ответ на запрос из Пекина референт Отдела Востока НКВД Б. Шапиро сообщил:

«Вопрос о том, какую из двух редакций нашей декларации от 25 июля 1919 г. считать подлинной, представляется и для нас самих не совсем ясным. Во всяком случае, позволю себе сообщить Вам те данные и соображения, какие имеются на этот счёт у меня.

Декларация 25 июля 1919 г., имеющаяся в Вашем архиве, была дана в свое время Пайкесу. Ввиду того, что в архивах Отдела Востока никаких следов об этой декларации не имелось, декларация была перепечатана нами из сборника Наркомнаца, изданного этим Комиссариатом в честь Октябрьской революции в 1920 или 1921 г. (точно не помню). В процессе работы мы для своих нужд пользовались этим же источником, не подозревая никогда о возможности существования этой декларации в иной редакции. К тому же необходимо прибавить, что уверенность наша базировалась на том, что текст этого обращения в точно таком же виде был напечатан в „Известиях“ от 25/VIII 1919 г. Обращение это было опубликовано в отчёте о китайском митинге, на коем выступал быв. заведующий Отделом Востока Вознесенский, огласивший текст этой декларации.

Лишь недавно в связи с Вашими запросами обнаружилось, что эта же нота была напечатана Виленским (Сибиряковым) в его брошюре „Китай и Сов. Россия“. Текст Виленского совпадает с редакцией ноты, цитируемой китайцами в их меморандумах. При этом следует обратить внимание, что подпись Карахана имеется точно также только в брошюре Виленского.

В личной с т. Виленским беседе я получил от него следующие сведения: ноту эту он напечатал на основании копии, полученной им в своё время в Отделе Востока; он же отвозил точно такую же копию т. Янсону для передачи её китайцам; ему известно также, что нота эта должна быть у китайцев в 2-х экземплярах, т.к. такую же ноту посылал НКВД китайцам через Чжан Сылиня.

Т. Янсон, находящийся в Москве в настоящее время, не помнит, какой именно текст он посылал китайцам. В архиве Мининдела ДВР (он привезён уже в Москву) нота эта вообще отсутствует.

Из всего сказанного я делаю следующий вывод. Подлинной несомненно является та нота, которая имеется в архивах Вашем и нашем. Т. Виленскому очевидно случайно попалась забракованная редакция ноты, китайцам же она стала известна вследствие того, что брошюра Виленского была распространена в огромном количестве главным образом на Дальнем Востоке и вероятно имеется в Китмининделе» [2, 0100-5-101-1, л. 37–38].

Предположение Шапиро о том, что вариант «Декларации», содержащий абзац о КВЖД, стал известен в Китае из брошюры Виленского, было совершенно неосновательным. В архиве МИД КР этой публикации нет, но есть подлинник телеграммы на французском языке с текстом обращения СНК, полученной из Иркутска за подписью Янсона [1, 03-32, 463-1]. Он идентичен русскому тексту телеграммы с подлинной подписью Янсона, хранящемуся в московском архиве [3, 514-1-1, л. 1].

Сообщение Шапиро не даёт ответа на главный вопрос: как могло случиться, что в конце 1921 г., когда из Москвы отправлялся первый представитель РСФСР в Китае А. Пайкес, в Отделе Востока вообще отсутствовали какие-либо следы «Декларации»? При каких обстоятельствах из архива Наркоминдела исчез её подлинный экземпляр?

Иоффе почему-то не задал себе этого вопроса. Основываясь на сообщённых Шапиро сведения, он заявил в своем меморандуме китайскому правительству от 21 декабря 1922 г.:

«Чрезвычайное Полномочное Представительство считает необходимым ещё раз подтвердить, что указанного Министерством Иностранных Дел абзаца нет ни в имеющемся в распоряжении Чрезвычайного Полномочного Представительства аутентичном тексте 25/VII-19 г, ни в тексте, опубликованном в своё время в официальном сборнике Народного Комиссариата по Делах Национальностей. Копию означенного текста, так же как и вышеуказанный сборник Чрезвычайное Полномочное Представительство имеет честь при сём приложить [...]. Так как Чрезвычайный Полномочный Представитель занимался в то время большею частью западноевропейскими делами, он не имеет возможности вспомнить, имеются ли иные декларации кроме указанных, или какие-либо противоречия между тем текстом декларации, на который ссылается Министерство Иностранных Дел, и официальным документом, хранящимся в архивах Народного Комиссариата по Иностранным Делах [...]. Чрезвычайное Полномочное Представительство позволяет себе напомнить Министерству Иностранных Дел, что миссия генерала Чжан Сылиня, на которую есть ссылка в означенном меморандуме Министерства Иностранных Дел, в своё время была опротестована Правительством Китайской Республики и Российскому Правительству было официально заявлено, что генерал Чжан Сылинь должен рассматриваться лишь как частное лицо, никаких полномочий не имеющее» [3, 179-2-1-1, л. 158].

Вынужденный «выкручиваться», Иоффе в данном случае несколько перегнул палку. То, что Чжан Сылинь был отозван из Москвы китайским правительством, разумеется, не могло быть основанием для сомнений в подлинности экземпляра «Декларации», который был вручён

ему Караханом, и на котором стояла подпись последнего. В противном случае Иоффе должен был дезавуировать также и ноту Советского правительства от 27 сентября 1920 г. («Вторую Декларацию Карахана»), поскольку она попала в Пекин также через посредство Чжан Сылиня.

Есть в меморандуме Иоффе и другие натяжки. Так, он, видимо, для пущей убедительности утверждал, что «официальный текст» обращения 1919 г. хранится в архиве Наркоминдела, хотя Шапиро сообщал обратное.

Следует напомнить, что советские авторы сначала категорически отрицали подлинность той версии «Декларации», на которую ссылались в Пекине, и утверждали, что в ней аутентичный текст был искажён.

В монографии М.С. Капицы «Советско-китайские отношения» ситуация впервые была представлена в ином свете. Основываясь, по всей видимости, на письме Шапиро, он писал:

«При разработке проекта декларации, действительно имелся черновой вариант, в котором был абзац, гласивший, что Советское правительство передаёт без всякого вознаграждения КВЖД, а также горные, лесные, золотые и другие концессии, захваченные при царском правительстве, при правительстве Керенского. Однако этот вариант не вносился в правительство на утверждение» [9, с. 35].

К сожалению, данное утверждение не соответствует действительности. Текст Декларации, в котором был пункт с обещанием безвозмездной передачи КВЖД Китаю, был представлен Ленину 10 августа 1919 г. Ныне он хранится в фонде секретариата Ленина в Российском государственном архиве социально-политической истории [3, 5-2-194, л. 3–6].

Как бы то ни было, аутентичной признавалась у нас версия документа, появившаяся в газете «Известия». Поэтому именно она фигурировала в публикации материалов по истории советско-китайских отношений [6, с. 43–45].

Это обстоятельство вызывает целый ряд недоумённых вопросов.

Известно, что «критерий подлинности документа означает обязательность включения в документальную публикацию оригинала документа, который всегда несёт большую информационную значимость, нежели копии и дубликаты, так как содержит не только подпись, удостоверяющую подлинность документа, но и всевозможные резолюции и пометы, отражающие оперативное бытование документа. И только в исключительных случаях, например, когда оригинал утрачен или его не удалось обнаружить, допускается помещение документа в документальную публикацию из масс-медийного издания» [10, с. 396]. В чём же состояла исключительность случая с «Декларацией Карахана»? Что произошло с её оригиналом?

В «Документах внешней политики СССР» публикация «Декларации» сопровождается пометой: «Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 188 (740), 26 августа 1919 г.» [5, т. 2, с. 223]. Это примечание может быть истолковано в том смысле, что в Архиве внешней политики РФ есть оригинал «Декларации», опубликованной в «Известиях». Между тем, на самом деле это не так. Копии, хранящиеся в этом архиве, не идентичны газетному экземпляру.

Была ли газетная версия подлинным вариантом «Декларации»?

Насколько мне известно, первый опыт сравнительного анализа различных редакций обращения Совнаркома был ещё в 1968 г. предпринят японским исследователем Ито Хидэити [16, с. 147–193].

Этот автор сопоставил четыре экземпляра «Декларации», первая из которых (газетная версия, опубликованная позднее в «Советско-китайских отношениях») была русскоязычной, а три других (текст, хранящийся в архиве МИД КР в Тайбэе, а также его публикации в сборнике документов, увидевшем свет в Пекине в начале 20-х гг., и в журнале «Синь циннянь») – китаеязычными.

Главный результат исследования Ито заключался в том, что этот автор впервые наглядно показал: расхождения между вариантами «Декларации» отнюдь не сводятся к наличию или отсутствию в них абзаца о КВЖД. В изученных им четырёх текстах Ито обнаружил целый ряд других различий.

Итог этого новаторского исследования представляется чрезвычайно важным, но вместе с тем нельзя не отметить и те ограничения, которые были ему свойственны. Ито сопоставлял разноязычные тексты, и это позволило ему выявить лишь смысловые расхождения между ними, тогда как стилистические различия, на первый взгляд кажущиеся несущественными, но в действительности содержащие весьма ценную информацию, на этом материале уловить было невозможно.

Учитывая данное обстоятельство, автор этих строк в своё время избрал в качестве объекта анализа только русскоязычные версии «Декларации» [13]. Удалось установить практически полную идентичность двух экземпляров этого документа, один из которых был 25 августа 1919 г. направлен Ленину, а второй в начале марта 1920 г. передан уполномоченным НКВД Я. Янсоном по телеграфу из Иркутска в Пекин. Что же касается соотношения варианта Янсона (обозначу его литерой «А») и публикации в «Известиях» («Б»), то они обнаруживают как *конечные*, так и *разрывные различия* текста, то есть и стилистические, и смысловые отличия.

К числу стилистических расхождений относятся:

№1	А	В тот день, когда советские войска, разбив армию контрреволюционного деспота Колчака, опиравшегося на иностранные штыки и на иностранное золото [...].
	Б	В тот день, когда советские войска, разбив армию контрреволюционного деспота Колчака, опиравшегося на иностранные штыки и иностранное золото [...].
№2	А	Осново <u>ю</u> этого мира должен был служить отказ от всяких захватов чужих земель.
	Б	Основой <u>й</u> этого мира должен был служить отказ от всяких захватов чужих земель.
№3	А	Царское правительство вместе с его союзниками насилием и подкупа <u>ми</u> закабалило народы Востока.
	Б	Царское правительство вместе с его союзниками насилием и подкупом <u>ом</u> закабалило народы Востока.

№4	А	Китайский народ, китайские рабочие и китайские крестьяне не могли даже узнать <u>правды</u> .
	Б	Китайский народ, китайские рабочие и китайские крестьяне не могли даже узнать <u>правду</u> .
№5	А	<u>Контрибуция эта</u> взыскивается союзниками для <u>уплаты жалования и для</u> удовлетворения прихотей бывшего царского посланника в Пекине и бывших царских консулов в Китае.
	Б	<u>Эта контрибуция</u> взыскивается союзниками для удовлетворения прихоти бывшего царского посланника в Пекине и бывших царских консулов в Китае.
№6	А	Все эти царские рабы давно уже лишены своих полномочий, но продолжают оставаться на своих местах и <u>обманывают</u> китайский народ при поддержке Японии и союзников.
	Б	Все эти царские рабы давно уже лишены своих полномочий, но продолжают оставаться на своих местах и <u>обманывать</u> китайский народ при поддержке Японии и союзников.
№7	А	Ни один русский чиновник, поп <u>или</u> миссионер не <u>смеют</u> вмешиваться в китайские дела.
	Б	Ни один русский чиновник, поп <u>и</u> миссионер не <u>смеет</u> вмешиваться в китайские дела.
№8	А	Необходимо сначала будет покончить с сидящими в Маньчжурии и <u>в</u> Сибири хищниками.
	Б	Необходимо сначала будет покончить с сидящими в Маньчжурии и Сибири хищниками.
№9	А	Поэтому оно посылает теперь свою весть китайскому народу вместе <u>со</u> своей Красной Армией...
	Б	Поэтому оно посылает теперь свою весть китайскому народу вместе <u>с</u> своей Красной Армией...
№10	А	... которая идёт через Урал на Восток на помощь сибирским крестьянам и рабочим для освобождения их от бандита Колчака и его союзников – <u>японцев</u> .
	Б	... которая идет через Урал на Восток на помощь сибирским крестьянам и рабочим для освобождения их от бандита Колчака и его союзника – <u>Японии</u> .

Все приведённые выше разночтения не несут на себе смысловой нагрузки и большинство из них вполне могли бы быть сочтены просто ошибками машинистки, перепечатававшей текст. Тем не менее, это не так. В незначительных на первый взгляд расхождениях прослеживается вполне определённая закономерность.

Нетрудно видеть, что в целом второй вариант компактнее и короче первого. Он характеризуется многочисленными сокращениями, произведёнными в первоначальном тексте декларации, будь то исключение частей предложения, тех или иных слов или даже просто отдельных букв. С этой точки зрения тот факт, что в варианте «Б» отсутствует целый абзац, уже не кажется необъяснимым.

Помимо этого пропуска, два разночтения между вариантами «А» и «Б» носят отчётливо выраженный смысловой характер. Поэтому они вполне заслуживают специального внимания и требуют конкретного объяснения:

№11	А	Советское правительство тогда же предложило китайскому правительству вступить в переговоры об аннулировании договора 1896 г., Пекинского протокола 1901 г. и всех соглашений с Японией с 1907 по 1916 годы, т.е. точное возвращение китайскому народу всего того, что было отнято у него царским правительством самостоятельно, либо заодно с японцами и союзниками.
	Б	Советское правительство тогда же предложило китайскому правительству вступить в переговоры об аннулировании договора 1896 г., Пекинского протокола 1901 г. и всех соглашений с Японией с 1907 по 1916 годы, т.е. после возвращения китайскому народу всего того, что было отнято у него царским правительством самостоятельно, либо заодно с японцами и союзниками.
№12	А	Пусть народы, обитающие в этих областях, сами решат, в границах какого государства они желают быть и какой образ правления они желают установить у себя дома.
	Б	Пусть народы, обитающие в этих областях, сами решат, в границах какого государства они желают быть у себя дома.

Содержание первого из этих двух абзацев в газетной версии вообще не вполне ясно. Оно может быть истолковано лишь в том смысле, что с 1907 по 1916 годы произошло возвращение Китаю чего-то, что им было ранее утрачено. Но такое понимание противоречит историческим фактам.

Второе предложение в варианте «Известий», как и во всех остальных случаях, представляет собой сокращение первоначальной фразы. В своём исходном виде оно было логически и стилистически безупречно, тогда как его усечённая версия далека от совершенства. Если перед нами окончательный вариант официального дипломатического документа, почему его автор предпочел именно такую косноязычную редакцию?

Нельзя забывать о том, что в «Известиях» представлена не официальная публикация документа, а скорее его пересказ, сопровождающий сообщение о том, что обращение СНК было зачитано на собрании китайских рабочих. Можно предположить, что сокращение текста было вызвано необходимостью уместить его в газетную полосу заданного размера. По-видимому, сделано это было второпях, непосредственно перед сдачей номера в печать, и это обстоятельство стало причиной появления указанных языковых погрешностей. В противном случае им трудно найти приемлемое объяснение.

Уже сам по себе тот факт, что подлинник известинской версии «Декларации» с подписью Карахана отсутствует в архиве Наркоминдела, наводит на мысль о том, что его, по всей видимости, вообще никогда не существовало. Сокращения первоначального текста, включая и пункт о передаче КВЖД Китаю, были сделаны (причём, не вполне удачно с точки зрения русского языка) не в Наркоминделе, а в редакции «Известий».

Два варианта «Второй Декларации Карахана»

В бывшем архиве НКВД хранится несколько экземпляров одного и того же варианта «Декларации» 1919 г., который не совпадает с её газетной публикацией. Это тем более странно, что подписанная 27 сентября 1920 г. нота Министерству иностранных дел Китайской Республики, известная как «Вторая Декларация Карахана», сохранилась в том же архиве в двух различных вариантах. Этот факт, насколько мне известно, никогда не обсуждался специалистами, изучавшими раннюю историю советско-китайских отношений.

Впервые вопроса о существовании двух вариантов «Второй Декларации» коснулся Шапиро в его упоминавшемся выше письме к Давтяну. Он сообщал, что ему случайно попались две различные версии ноты от 27 сентября 1920 г., «причём разница в обнаруженных редакциях точно так же касается как раз вопроса о КВЖД» [2, 0100-5101-1, л. 38].

Следует заметить в скобках, что сообщение Шапиро наглядно свидетельствует о том, какой ущерб делу был нанесён, когда в августе 1920 г. заведующий Отделом Востока Вознесенский был смещён со своей должности, а на его место пришли некомпетентные новички, которые практически ничего не знали о содержании важнейших внешнеполитических актов Советского правительства.

Как бы то ни было, в Архиве внешней политики РФ хранится машинописная копия первоначального варианта ноты от 27 сентября 1920 г. с пометой: «Не послан» [2, 04-22-162-4, л. 59–60].

Нелишне напомнить читателю те обстоятельства, при которых Карахан подписал эту ноту китайскому правительству.

5 сентября 1920 г. в Москву прибыла китайская делегация во главе с генералом Чжан Сылинем. Несмотря на то, что от МИД Китая не поступило подтверждения её полномочий, миссия была принята в советской столице и ей были созданы все необходимые условия для работы. Карахан нанёс визит Чжан Сылиню, после чего принимал его в здании наркомата. Речь шла о заключении соглашения между Советской Россией и Китаем, проект которого замнаркома обещал представить в ближайшее время.

Однако время шло, а передача делегации предварительного текста соглашения затягивалась. Гости уведомили НКВД о своём желании воспользоваться возникшей паузой для того, чтобы посетить Петроград и 27 сентября переехали из отведённого им особняка в поезд. Они не знали, что возникшая задержка была вызвана тем, что уже подписанный Караханом текст ноты Советского правительства был отложен для дополнительного редактирования.

В этом тексте, зарегистрированном в Отделе Востока 27 сентября под № 6318/2, был следующий пункт:

«Отказываясь от своих прав на Китайско-Восточную железную дорогу, правительство РСФСР считает необходимым заключить специальный договор о порядке пользования этой дорогой для нужд РСФСР, причём в заключении договора кроме Китая и России участвует также Дальне-Восточная Республика» [2, 04-22-162-4, л. 60].

Однако, вопреки мнению Капицы [9, с. 55], в тот день нота китайской делегации передана не была. 1 октября Чжан Сылинь писал в Министерство иностранных дел Китая:

«Наше пребывание в России против ожидания слишком затянулось. Причиной тому служит как невручение нам до сих пор проекта соглашения, так и неполучение ответа на посланные в Пекин телеграммы, и другие мелкие обстоятельства» [2, 04-22-162-2, л. 34].

Второй, окончательный вариант ноты был вручен Чжан Сылиню лишь на следующий день, 2 октября, о чём тот немедленно уведомил своё правительство.

Вторая версия ноты была зарегистрирована под № 6373/2, однако дата была оставлена старая – 27 сентября (не был изменён и текст сопроводительного письма, датированного тем же числом [2, 04-22162-3, л. 2]).

Интересующий нас абзац выглядел следующим образом:

«Российское и Китайское правительство соглашаются заключить специальный договор о порядке пользования Китайско-Восточной железной дорогой для нужд РСФСР, причём в заключении договора кроме Китая и России участвует также Дальне-Восточная Республика» [2, 0100-6-104-23, л. 45].

Хотя в ноте теперь не говорилось об отказе Советского правительства от прав на КВЖД, но это по-прежнему подразумевалось, т.к. одновременно Чжан Сылиню была передана копия «Декларации» 1919 г., в которой был пункт о передаче КВЖД Китаю.

Всё это вместе взятое подтверждает предположение, сделанное выше на основании текстологического анализа двух вариантов «Первой Декларации Карахана»: её газетная версия не могла быть окончательным официальным вариантом этого документа.

Другие варианты «Декларации» 1919 г.

Все без исключения современные исследователи говорят о двух вариантах обращения СНК к китайскому народу.

С точки зрения этого общепринятого мнения неожиданным может показаться тот факт, что в действительности дело не ограничивалось двумя редакциями документа.

Его копии, хранящиеся ныне в Архиве Внешней Политики РФ, представляют собой ещё одну, третью версию «Первой Декларации Карахана» (обозначим её литерой «В»).

Представляется важным детально сопоставить её с двумя предшествующими вариантами.

№1	А	Советские войска, разбив армию контрреволюционного деспота Колчака.., идут на соединение с революционн <u>ым</u> народ <u>ом</u> Сибири.
	Б	Советские войска, разбив армию контрреволюционного деспота Колчака.., идут на соединение с революционн <u>ым</u> народ <u>ом</u> Сибири.
	В	Советские войска, разбив армию контрреволюционного деспота Колчака.., идут на соединение с революционн <u>ыми</u> народ <u>ами</u> Сибири.

№2	А	Оно от имени русского народа обратилось ко всем народам мира с предложением установить прочный постоянный мир.
	Б	Оно от имени русского народа обратилось ко всем народам мира с предложением установить прочный постоянный мир.
	В	Оно от имени русского народа обратилось к народам всего мира с предложением установить прочный постоянный мир.
№3	А	Основую этого мира должен был служить отказ от всяких захватов чужих земель.
	Б	Основой этого мира должен был служить отказ от всяких захватов чужих земель.
	В	Основой этого мира должен был служить отказ от всяких захватов чужих земель.
№4	А	Царское правительство вместе с его союзниками насилием и подкупами закабалило народы Востока.
	Б	Царское правительство вместе с его союзниками насилием и подкупом закабалило народы Востока.
	В	Царское правительство вместе с его союзниками насилием и подкупом закабалило народы Востока.
№5	А	Не дожидаясь возвращения китайскому народу Маньчжурской ж. д., Япония и союзники захватили её сами, вторглись в Сибирь и даже заставили китайские войска помогать им в этом преступном и неслыханном разбое.
	Б	Не дожидаясь возвращения китайскому народу Маньчжурской ж. д., Япония и союзники захватили её сами, вторглись в Сибирь и даже заставили китайские войска помогать им в этом преступном и неслыханном разбое.
	В	Не дожидаясь возвращения китайскому народу Маньчжурской ж. д., Япония и союзники захватили её, сами вторглись в Сибирь и даже заставили китайские войска помогать им в этом преступном и неслыханном разбое.
№6	А	... для уплаты жалования и удовлетворения прихотей бывшего царского посланника в Пекине...
	Б	... для удовлетворения прихоти бывшего царского посланника в Пекине...
	В	... для удовлетворения прихоти бывшего царского посланника в Пекине...
№7	А	Все эти царские рабы давно уже лишены своих полномочий, но продолжают оставаться на своих местах и обманывают китайский народ.
	Б	Все эти царские рабы давно уже лишены своих полномочий, но продолжают оставаться на своих местах и обманывать китайский народ.
	В	Все эти царские рабы давно уже лишены своих полномочий, но продолжают оставаться на своих местах и обманывать китайский народ.

№8	А	Ни один русский чиновник, поп <u>или</u> миссионер не <u>смеют</u> вмешиваться в китайские дела.
	Б	Ни один русский чиновник, поп <u>и</u> миссионер не <u>смеет</u> вмешиваться в китайские дела.
	В	Ни один русский чиновник, поп <u>и</u> миссионер не <u>смеют</u> вмешиваться в китайские дела.
№9	А	Союзники и Япония сделают всё возможное, чтобы и на этот раз голос русских рабочих и крестьян не дошёл до китайского народа.
	Б	Союзники и Япония сделают всё возможное, чтобы и на этот раз голос русских рабочих и крестьян не дошёл до китайского народа.
	В	Союзники и Япония сделают всё возможное, чтобы и на этот раз голос русских рабочих и крестьян не дошёл <u>бы</u> до китайского народа.
№10	А	Необходимо сначала будет покончить с сидящими в Маньчжурии и <u>в</u> Сибири хищниками
	Б	Необходимо сначала будет покончить с сидящими в Маньчжурии и Сибири хищниками
	В	Необходимо сначала будет покончить с сидящими в Маньчжурии и Сибири хищниками
№11	А	...которая идёт через Урал на Восток на помощь сибирским крестьянам и рабочим для освобождения от бандита Колчака и его союзников <u>японцев</u> .
	Б	...которая идёт через Урал на Восток на помощь сибирским крестьянам и рабочим для освобождения от бандита Колчака и его союзника <u>Японии</u> .
	В	...которая идёт через Урал на Восток на помощь сибирским крестьянам и рабочим для освобождения от бандита Колчака и его союзника <u>Японии</u> .

Так же, как и в случае с версиями «А» и «Б», большинство расхождений носит здесь стилистический характер, но совпадают в «В» и «Б» также и два абзаца со смысловым различием:

№12	А	... <u>точное возвращение</u> китайскому народу...
	Б	... <u>после возвращения</u> китайскому народу...
	В	... <u>после возвращения</u> китайскому народу...
№13	А	... в границах какого государства они желают быть <u>и какой образ правления они желают установить</u> у себя дома.
	Б	...в границах какого государства они желают быть у себя дома.
	В	...в границах какого государства они желают быть у себя дома.

Таким образом, хотя версия «В» отчасти отличается от двух предыдущих, в подавляющем большинстве случаев она совпадает с «Б» и отличается от «А». Это даёт основание предполагать, что правке, результатом которой стало появление третьей версии «Первой Декларации Карахана», была подвергнута газетная публикация.

Итак, в начале 20-х гг. существовало не два, а три варианта «Первой Декларации Карахана», причём первый и третий в разное время фигурировали как официальные версии этого дипломатического документа, а второй представлял собой его сокращённую газетную публикацию.

Когда появился на свет третий вариант?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно выяснить, до какого времени руководители НКВД и Коминтерна продолжали ссылаться на ту версию «Декларации», которая содержала обещание возратить дорогу Китаю. Источники рисуют эту картину в следующем виде.

В начале октября 1920 г. китайскому представителю генералу Чжан Сылиню был вручён подписанный Караханом экземпляр декларации 1919 г., в котором присутствовал абзац о КВЖД.

24 апреля 1921 г. официальный орган Коминтерна перепечатал «Декларацию» с упоминанием о безвозмездной передаче КВЖД Китаю [4, с. 3] (на данную публикацию впервые обратил внимание Б. Эллеман [12, с. 26]).

В июне 1921 г. Отдел Востока НКВД сообщал находившемуся тогда в Пекине И. Юрину (Дзевалтовскому): «Мы ещё в 1918 г. отказались от владения КВЖД» [2, 0100-6-106-16, л. 25].

То же утверждалось и в письме замнаркома внешней торговли А. Лежаве: «Нашими нотами Китаю, начиная с весны 1918 г., мы всё отдавали» [2, 0100-6-106-16, л. 28].

В октябре 1921 г. Карахан напоминал Чичерину: «В ноте 1919 г. мы уступили Китайскую дорогу безвозмездно» [2, 0100-6-106-16, л. 93].

Весьма важное с точки зрения рассматриваемых нами проблем событие произошло 31 августа 1922 г.: Политбюро приняло резолюцию, согласно которой политическую линию Советской России в отношении Китая не следовало выводить из прежних деклараций Карахана [3, 17-3-310, л. 1.].

Против этого решения попытался выступить нарком Чичерин. В октябре 1922 г. он напоминал Л. Каменеву о том, что заявление о безвозмездном возвращении КВЖД Китаю было в своё время сделано «в самой торжественной форме» [2, 08-6-18, л. 38].

Вскоре нарком высказал своё мнение Сталину:

«После того, как нами было официально заявлено о безвозмездной передаче Китаю Восткижелезнодороги, внезапное взятие обратно этого заявления и выставление требования о значительной сумме недопустимо и дискредитировало бы нас» [2, 08-6-5, л. 47].

Вопреки мнению наркома, 13 ноября того же года коллегия НКВД приняла постановление: «Россия сохраняет за собой собственность КВЖД» [2, 0100-7-106-16, л. 245]. Сразу же после этого Политбюро ЦК РКП утвердило данное решение [3, 17-3-322, л. 6.].

Эти события свидетельствовали по меньшей мере о двух фактах.

Во-первых, совершенно очевидно, если бы до этого Советское правительство не декларировало отказ от собственности на КВЖД, необходимости в специальном постановлении НКВД и тем более в рассмотрении этого вопроса на заседании Политбюро ЦК не было бы.

Во-вторых, если бы в заявлении советского правительства не упоминалось о Китайско-Восточной железной дороге, дезавуировать его не было

бы необходимости. Это означает, что в августе 1922 г. в распоряжении ЦК ещё не было третьего варианта «Декларации» 1919 г., а газетная версия её не рассматривалась в качестве аутентичного текста.

В этих условиях советским дипломатам пришлось, не кривя душой, признать изменение политики РСФСР в отношении Китая, оправдывая его тем, что времена меняются, и мы меняемся вместе с ними.

В частности, во время переговоров с делегацией Трёх Восточных Провинций Китая в июне 1923 г. Карахан заявил: «Поскольку КВЖД есть собственность России, мы хотим ею распоряжаться как собственностью». Не соглашаясь с такой постановкой вопроса, китайский делегат сослался на декларацию 1919 г. об отказе России от всех прав на дорогу. «То было в 1919 г., – отвечал ему Карахан, – а теперь 1923 г.» [2, 0100-7-107-19, л. 273, 276].

Однако отправляясь вскоре после этого из Москвы в Пекин, Карахан изменил свою первоначальную линию поведения и вслед за Шапиро предпочёл отрицание подлинности переданного в своё время китайскому МИД'у экземпляра «Декларации 1919 г.».

В письме Карахана Чичерину от 13 октября 1923 г. мы находим следующее поразительное утверждение:

«Для Китая вопрос о КВЖД имеет громадное значение, и разрешение его осложняется тем, что в Китай неофициальным путем попал проект декларации 1919 г., где пункт о КВЖД был сформулирован в смысле безвозмездной передачи дороги Китаю. В одном из первоначальных проектов такой пункт действительно был, но он был мною вычеркнут. Тем не менее я очень подозреваю, что по невнимательности и халатности Вознесенский, который был тогда заведующим отдела Востока, мог этот проект кому-нибудь дать и, таким образом, он мог попасть в печать. К счастью, экземпляры, которые были подписаны мною, не содержат этого пункта и один из этих экземпляров, который был мною передан через генерала Чжан Сылиня в МИД, представляет собой точную копию подлинной декларации за моей подписью и не содержит этого пункта» [2, 5-101-1, л. 234–235].

Трудно комментировать это заявление. Прежде всего, оно противоречит тому, о чем Карахан писал наркому за два года до этого («В ноте 1919 г. мы уступили Китайскую дорогу безвозмездно»). Далее, Карахан пишет, что «неточный» текст декларации попал в Китай неофициальным путём, хотя он не мог не знать, что этот документ, был контрассигнован и отправлен в Пекин уполномоченным НКВД. Не соответствует действительности и утверждение, что подписанный лично Караханом экземпляр «Декларации», переданный им Чжан Сылиню, не содержал пункта о КВЖД.

Что касается слов Карахана о том, что этот пункт был им собственноручно вычеркнут, то вопрос заключается в том, **когда** это было сделано.

Из письма Чичерину может создаться впечатление, что абзац о безвозмездной передаче КВЖД Китаю был вычеркнут Караханом ещё до того, как текст «Декларации» был опубликован в «Известиях». Но этот вывод опровергается приведёнными выше высказываниями, включая заявления как Чичерина, так и самого Карахана.

Поверив словам Карахана о том, что копия, переданная Чжан Сы-линю, не содержала пункта о КВЖД, я в своё время высказал предположение, что третий вариант «Декларации» появился на свет в 1920 г., до отъезда китайского представителя из Москвы [13, с. 58].

Теперь картина представляется в несколько ином свете. Отказ от данных ранее обещаний – поворотный момент в политике РСФСР в отношении Китая – датируется осенью 1922 г, когда в основном завершился процесс перехода, говоря словами Карахана, от «декларативной» к «деловой» внешней политике Страны Советов:

«Мы сейчас вступили в такой период нашего внешнего положения, когда каждая пядь советской земли и каждый советский рубль должны быть предметом нашего особого внимания, и мы без серьёзной борьбы не можем уступить другим державам ни одного реального блага» [2, 05-5-3-17, л. 19.].

При этом, если в переписке с Чичериным Карахан возлагал вину за обнародование «неточного» текста на бывшего заведующего Отделом Востока Вознесенского, то на переговорах в Пекине он утверждал, что расхождения в понимании смысла «Декларации 1919 г.» – это «серьёзное недоразумение, которое следует приписать, очевидно, переводчикам». На самом же деле, продолжал Карахан, «никогда и нигде я не мог сказать, что все права на КВЖД принадлежат Китаю» (цит. по: [8, с. 114]).

Когда утверждение о том, что в тексте «Декларации 1919 г.» была допущена ошибка, получило статус официальной позиции советских дипломатических кругов, оно стало достоянием широкой общественности нашей страны в несколько иной огласовке: утверждалось, что абзац о КВЖД был вставлен в текст по ошибке или по злому умыслу постороннего лица, к Наркоминделу отношения не имевшего.

Летом 1924 г. об этом написал В. Антонов-Овсеенко, заявивший что, текст обращения был переименован китайскими иммигрантами и в таком виде получил широкое распространение в Китае [7].

Ещё через несколько лет В. Саввин, по-видимому, неудовлетворённый свидетельством Антонова-Овсеенко, высказал своё видение проблемы:

«Это знаменитое обращение рабоче-крестьянского правительства не дошло до китайских правительств, так как, несмотря на принятые меры к тому, чтобы китайские правительства могли получить текст этой ноты, она была кем-то из империалистических представителей или бывшим царским посланником в Пекине перехвачена и искажена» [11, с. 97].

Лишь в 1958 г, как уже упоминалось выше, Капица вернулся к предположению Шапиро, которое стало фигурировать теперь как доказанный факт: виновником ошибки был Виленский [9, с. 35].

Замечу, что само по себе утверждение, будто бы путаница с различными вариантами декларации 1919 г. произошла из-за небрежности сотрудников Наркоминдела, теоретически не лишено оснований. В практике работы этого учреждения бывали случаи, когда важнейшие документы оказывались искажёнными. Достаточно сослаться на то, что Чичерин писал Янсону в ноябре 1921 г.:

«Посылаю для тов. Пайкеса тезисы, данные мне экпра (экономическо-правовой отдел НКВД. – М.К.). Но в них нет главного [...]. Мы расследуем, по чьей преступной небрежности главное оказалось пропущенным» [2, 0100-7-106-16, л.99].

И на этот раз явно произошла ошибка. Но заключалась она не в том, что из стен НКВД, как предполагал Шапиро и утверждал Карахан, вышел забракованный вариант документа, а в том, что в отсутствие Карахана сотрудники Отдела Востока не нашли «никаких следов» декларации и вместо её официальной копии, заверенной подписью замнаркома, вручили Пайкесу перепечатку газетного сообщения. Однако эта небрежность оказалась очень кстати после того, как в позиции Наркоминдела произошёл перелом, и подлинная версия «Декларации» была объявлена неаутентичной.

В результате всего этого и появился третий вариант обращения, в котором, как и в публикации «Известий», отсутствовал пункт о КВЖД, но в газетный текст были внесены некоторые стилистические поправки.

Поэтому я могу сегодня высказать предположение о том, что третий вариант «Декларации» появился, по всей вероятности, в конце 1922 г.

По мнению В.П. Козлова, любой исторический документ имеет четыре стадии своего бытования. Первая стадия связана с его созданием; вторая стадия – это время оперативного существования документа в качестве регулятора процессов, явлений, событий действительности, когда он выполняет властные, исполнительные, организационные, коммуникативные, информационные и другие функции; период, когда документ хранится в архиве, – это третья стадия его истории; четвёртая – превращение архивного документа в «публичный архивный документ», т.е. «исторический источник». При этом возникновение вариантов текста связано с первой стадией бытования документа [10, с. 382].

Изучение разночтений в тексте декларации 1919 г. показывает, что из этого общего правила могут быть исключения.

Первая стадия бытования «Декларации» завершилась весной 1920 г., когда она была передана по своему прямому назначению – в Министерство иностранных дел Китайской Республики. Однако формирование её различных вариантов на этом не закончилось. Автор документа продолжал обращаться к его тексту, внося в него новые изменения, призванные способствовать решению главной задачи – оправданию сдвигов в политике РСФСР в отношении Китая.

Ясно, что без детального исследования изменений в тексте этого важнейшего документа невозможно понять движущие мотивы и конкретные обстоятельства трансформации подходов советского государства к урегулированию взаимоотношений со своим соседом, а в более широкой исторической перспективе – проследить общие тенденции развития советской внешнеполитической доктрины.

Архивные документы и пресса

1. Архив МИД Китайской Республики.
2. Архив внешней политики Российской Федерации.
3. Российский государственный архив социально-политической истории.
4. Бюллетени Дальневосточного Секретариата Коминтерна, 1921, № 5.
5. Документы внешней политики СССР. Тт. 1–2. М., 1958.
6. Советско-китайские отношения. 1917–1957. М., 1959.

Литература

7. *Антонов-Овсеенко [В.А.]*. Соглашение о Китайско-Восточной железной дороге (историко-политический очерк) // Известия, 12 июня 1924 г.
8. *Ивин А.* Китай и Советский Союз. М., 1924.
9. *Капица М.С.* Советско-китайские отношения. М., 1958.
10. *Козлов В.П.* О некоторых теоретических вопросах современной археографии // Восток – Россия – Запад. К 70-летию академика В.С. Мясникова. М., 2001.
11. *Саввин В.П.* Взаимоотношения царской России и СССР с Китаем. М.–Л., 1930.
12. *Elleman B.* Diplomacy and Deception: The Secret History of Sino-Soviet Diplomatic Relations, 1917–1927. New York, 1997.
13. *Круков М.В.* Has the Riddle of “The First Declaration by Karakhan” been solved? // Moscow, Canton, Peking. Early Diplomatic Relations Between The Soviet Union and China. Taipei, 2000.
14. *Ли Даньян.* Су-Э цзай Хуа фабяо дэ диигэ вэньцзянь: Гуаньюй бэнь вэнь нэйжун юй фабяо бэйцзин дэ яньцзю (Первый советский документ, опубликованный в Китае: исследование его содержания и обстоятельств, при которых он появился на свет) // Лиши яньцзю. 2003, № 4.
15. *Ито Хидэити.* Дай ити дзи Карахан сэнгэн-но ибун-ни цуйтэ (О вариантах текста «Первой Декларации Карахана») // Кэнкю. № 41, 1968.